

Символика орнамента в латышских национальных поясах

*На рубахе вывела
Я тройной узор:
Солнца, луны, желуди
По кайме цветной.[1]*

Затейлив и многообразен узор национальных орнаментов. В глубокой древности, да и в наши дни латыши украшали и украшают свою одежду священными и защитными знаками. Это стремление уберечься от враждебных сил и уберечь свой маленький дом на краю мироздания характерно для многих народов. В поэме «Лакшми-победительница» Н.К. Рерих говорит о борьбе с силами зла в индийской мифологии. Он рассказывает о том, как благая богиня Лакшми защищает людской род покрывалами успокоения, затканными символами мира, света и радости: «Лакшми украшает свои покрывала новыми священными знаками».

Символы и знаки сопровождают человека с древних времен. Как и у других народов, у латышей на первый взгляд простые и легко запоминающиеся символы передают глубокие и разносторонние знания о земле, о космосе, о сущности человека. Многократно повторенные в орнаменте, эти образы служили и магическим целям — отвести невзгоды, умиловить судьбу. Они объединяли людей и вносили порядок в систему мироздания, помогали нашим предкам понять свое место в таинственной вселенной. В латышской мифологии большинство графических символов связано с силами природы, отображает небесные или погодные явления.

У латышского народа традиционно сильна тяга к древности, к древним знаниям. «Кто обернут лишь к прошлому, а кто смотрит только в будущее. Почему же не мыслится синтез, связывающий одну вечную нить знания? Ведь и прошлое, и будущее не только не исключают друг друга, но, наоборот, лишь взаимоукрепляют. Как не оценить и не восхититься достижениями древних культур! Чудесные камни сохранили вдохновенный иероглиф, всегда применимый, как всегда приложима Истина». Так говорил Н.К. Рерих.

В последние годы многие исследователи в Латвии стремятся расшифровать и перевести как можно больше древних символов и легенд, вчитываются в древние знаки, нащупывают нити, ведущие к тайнам латышской мифологии, пытаются найти ее исторические корни. Латышский орнамент практически целиком состоит из древних знаков, обозначающих природные явления. Графическое их изображение можно встретить как во время археологических раскопок, так и в оформлении современной национальной одежды. Одну из главных ролей в латышском национальном костюме играет пояс, украшенный орнаментом. В народе веками бытовало представление о том, что нельзя носить не украшенные узором вещи, — только предмет, покрытый узором, охраняет от невзгод, притягивает добро, несет в себе определенную магическую силу.

Плетеные и тканые пояса в основном выдержаны в коричнево-желто-зеленых или красно-белых тонах. Узоры в различных районах Латвии разные, но всегда отличаются высоким мастерством исполнения. Латышское народное искусство сохранило до наших дней и технику изготовления поясов и элементы узора. Найденные при раскопках древнейшие фрагменты поясов относятся к VI в. н. э. Уже в наиболее ранних образцах можно увидеть все умение древних мастеров оценить разнообразие в сочетании элементов узора и в подборе и комбинации красок. Однако наиболее сложный орнамент относится к археологическому материалу X—XIII веков.

Наименее сложны плетеные пояса, одинарного или диагонального плетения. Для их изготовления требовались лишь нити основы и деревянная вилочка с двумя зубцами. Такие пояса применялись преимущественно для верхней одежды, ими подвязывали сюртуки, брюки, а также чулки.

Однако наиболее широко в Латвии были распространены тканые пояса и подвязки. Их ткали при помощи валика с привязанными к нему нитями основы. Существует много способов изготовления таких поясов. Техника исполнения, подбор орнамента и цветовое решение зависели от практического назначения предмета. Наиболее богатые и сложные композиции узоров, до десяти и более вариантов орнамента в одном поясе, создавались для праздничной одежды. В расположении узоров соблюдается строгая закономерность: главный, горизонтальный ряд узора в середине пояса с обеих сторон обрамлен более узкими полосками орнамента. Концы поясов имели вид бахромы, кистей или плетения.

Третий способ, распространенный по всей Латвии, — пояса, тканые с помощью четырехугольных дощечек с дырочками в каждом углу. На дощечках ткали узорчатые пояса, пояса в елочку и полоску, а также каймы, которыми обшивали края наплечных покрывал — сагш. На таких поясах отдельные элементы орнамента размещены в продолговатых прямоугольниках, на каждом поясе — десятки вариантов узора. Тканые на дощечках пояса очень прочны, они были принадлежностью главным образом мужской одежды, и еще их употребляли вместо вожжей и праздничных уздечек.

Варианты узоров на поясах и подвязках, собранные со всей Латвии, крайне разнообразны. Однако все элементы узора расположены в определенном порядке и подчиняются единому ритму. Понятие ритма глубоко коренится в человеческом сознании. Периодически повторяются времена года, день сменяется ночью, а ночь — днем. Человеческая жизнь тесно связана с ритмом, поэтому и в своих изделиях человек подчиняется законам ритма. Ритм — неотъемлемая часть любого художественного произведения, в том числе и в прикладном искусстве.

Повторение разных мотивов в узоре одного пояса наводит на мысль, что орнамент является не только эстетической ценностью, но и несет в себе определенную информацию. Некоторые искусствоведы и историки полагают, что это разнообразие можно объяснить обычной игрой с графическими формами — без глубокой семантики. Ответить на вопрос, являются элементы узора всего лишь декоративным орнаментом или это знаки-символы, помогают названия этих знаков, — они переносят нас в те далекие времена, когда изготовление и использование поясов было повседневной частью народной жизни.

Отрезок прямой линии с двумя прямыми или изогнутыми отростками наверху — простейшее символическое изображение дерева. Этот знак многократно повторяется в орнаментах, создавая замысловатый узор. Дерево в латышском фольклоре, как и во многих других культурах, является священным символом. Прежде всего оно связывает земной и божественный миры. Кроме того, дерево символизирует рост, умирание и воскрешение. Оно отражает вертикальное деление мира на три части (прошлое — настоящее — будущее) и горизонтальное — на четыре части (по сторонам света).

*Ой ты, дуб, густой, зеленый,
До чего ж ты вековечный:
Я родился — ты стоишь,
Я умру — ты все шумишь! [3]*

В латышской мифологии наиболее часто упоминаются дуб, береза и липа, несколько реже — ясень, орех, сосна и ель. Считается, что дуб символизирует мужское начало, липа — женское (девичье), яблоня — символ матери. Дуб, кроме того, является символом космоса. В латышской мифологии верхняя часть космоса находится под покровительством Бога, нижняя — богини Лаймы (*Laima*), а Солнцу принадлежат обе части, то есть космос во всем своем величии, представленный в образе дуба. Священный дуб являлся неотъемлемым атрибутом празднования Янова дня (в латышской традиции — праздник Лиго). Встречали Янову ночь в национальных костюмах с узорными поясами, в венках из дубовых веток. Эта традиция сохранилась до наших дней.

*Летом ночи все красивы,
Краше всех на Янов день:
Папоротник расцветает
Ярким золотым цветком.[4]*

На праздничном столе появлялись сыр — символ Солнца — и пиво. Дуб, традиционно олицетворяющий мощь, долголетие и благородство, — образ, связанный с хозяином дома. Образ дерева часто смыкается в латышской мифологии с образом Космического Древа. Широкое распространение получил и образ Дерева Солнца (*saules koks*) — так в латышском фольклоре называли различные деревья: березу, липу, дуб, реже ель или яблоню. По преданию, в кроне дерева располагаются Месяц и звезды. Никто не может найти Дерево Солнца, ни стар, ни млад. Единственный фольклорный персонаж, которому это удалось, — сиротка пастушка. О том, где растет это дерево, в латышском фольклоре есть несколько версий: в конце солнечной дорожки, в каком-либо водоеме, на горе или в роще. Иными словами, дерево есть везде, где светит Солнце. В народных песнях воспеты его золотые ветви, серебряные листья и могучие корни.

Графическое изображение Дерева Солнца со временем усложнялось. Изначально его изображали с мелкими, незначительными отростками, затем оно разветвилось, веточки опустились вниз, изогнулись и снова поднялись, что добавляет разнообразия в узор и увеличивает площадь рисунка. Позже на Дереве Солнца появились цветы, посередине образовался четырехугольник, в который мог быть помещен знак Солнца.

*Каждый вечер я гляжу
Как там Сауле заходит,
Как она спускается
В золотую лодочку.[5]*

Солнце у многих народов является символом жизни, мощи, света и радости бытия. Оно является излюбленным символом и в латышском фольклоре. «Солнце есть сердце системы, — говорит Живая Этика, — также сердце человека есть солнце организма. Много солнц-сердец, и Вселенная представляет систему сердец, поэтому культ света и есть культ Сердца»[6]. Солнце-Сердце занимает центральное место в организме человека и в системе человечества. Как и во многих мировых мифологиях, поклонение Солнцу у латышей связано с культом плодородия. В латышской этнографии культ поклонения небесным светилам наиболее ярко проявляется в орнаментике. В отличие от многих индоевропейских языков в латышском языке слово «солнце» — женского рода, поэтому к Солнцу часто обращаются как к матери. Символом Солнца может являться любой круглый предмет: круг сыра, яйцо, желудь, диск или обруч. В народных песнях поется, что Солнце целый день

ездит в тележке, которую везут две лошади или два желтых жеребенка. Образ Солнца в колеснице, запряженной лошадьми, присутствует во многих культурах. Так изображали Солнце египтяне, ассирийцы, греки и многие другие. Солнце в латышском фольклоре очень красочное, оно одето в золото и серебро. В интернациональном контексте можно рассматривать и образ заходящего Солнца, у многих народов Солнце ночует в золотой лодке. По преданиям, ночью Солнце на золотой лодке приплывает к камню среди моря, где растет золотой тростник, и там проводит ночь. Это место связано с представлением о центре земли. По другим поверьям, Солнце продолжает свой путь и ночью.

Простейший графический знак Солнца — круг. В латышском орнаменте Солнце в основном изображали в виде восьмилепестковой розетки с маленьким ромбиком посередине и исходящими из нее лучами. В народных представлениях эта розетка — колесо колесницы, в которой едет Солнце. В упрощенном орнаменте Солнце обозначалось различного вида четырехугольниками с исходящими от них лучами. Знак Солнца встречается в орнаментах поясов по всей Латвии, в особенности в восточной ее части.

*Что играет, что сверкает
Там, на дальнем на лугу?
Дочка Сауле сено кучит,
Серебрятся грабельки.[7]*

У Солнца есть семья, в латышском фольклоре часто упоминаются дочери Солнца — антропоморфные существа, излучающие солнечное сияние. Если упоминается только одна дочь Солнца, то она идентична самому Солнцу, обычно же их упоминают во множественном числе, их может быть две или три. Одни исследователи полагают, что дочери Солнца символизировали утренние или вечерние сумерки, другие — что дочери Солнца это не что иное, как новое Солнце, то есть утреннее или весеннее. Есть также мнение, что это солнечный свет или солнечные лучи, которые вечером исчезают в море. Дочери Солнца занимаются обычной повседневной работой: шьют одежду, топят баню, сгребают серебряными граблями сено, изготавливают украшения, а также поют и танцуют. Так как они принадлежат к небесным существам, то все их орудия труда сделаны из золота или серебра, а одежда — из шелка.

*Во серебряных фонариках
Свечи за полночь горят:
Это Месяц кажет путь
Поезжанам дочери Сауле.[8]*

О том, кто является мужем Солнца, — напомним, что в латышском языке оно женского рода, — нет единого мнения, по одному из вариантов это Месяц. Латышская мифология рассматривает небесную семью с точки зрения матриархата, Солнце в преданиях имеет большее значение, нежели Месяц. Месяц, постоянно чередуясь с Солнцем, дает свет путникам в темной ночи, сиротке, — традиционному образу латышского фольклора, — собирающей колосья в поле, жене или вдове воина. У Месяца нет возраста, по своей природе он то молод, то стар. Месяц, как и Солнце, имеет свои атрибуты, он одет в пальто, покрытое звездами, и такие же штаны. Месяцу принадлежали в фольклоре два жеребенка — утренняя и вечерняя звезды. Защитник воинов и заступник сирот, Месяц часто изображался на одежде и оружии воинов, а также на платьях. Лунного культа у латышей не было, но в изображении Солнечного Дерева знак Месяца обычно располагался рядом со знаком Солнца. В зависимости от фазы Месяца его атрибутом могли быть сыр, яблоко, рожок, монета или колесо.

Упрощенный вариант знака Месяца — два одинаковых отрезка под углом 90° . Более сложный вариант — различные модификации буквы «С», как в обычном виде, так и в зеркальном отображении (растущий и убывающий месяц). В орнаменте простейший знак часто удваивался, повторное изображение на поясах фаз растущего и убывающего Месяца являлось фактически своеобразным лунным календарем, символизировало ход времени. Изображение Месяца было особенно распространено в центральных и восточных районах Латвии.

Звезды в латышском фольклоре часто встречаются на Дереве Солнца рядом со знаками Солнца и Месяца. Знаки звездного неба, небесных светил всегда были любимы в латышском народе. Магический звездный свет, таинственный и влекущий, зажигал в каждой душе что-то свое, личное, возвышал и очищал прикосновением к беспредельности недосказанного. Может быть, поэтому небесные знаки так разнообразны и так часто встречаются в латышском орнаменте. Н.К. Рерих в стихотворении «Пора» писал: «Небо ночное, смотри, невиданно сегодня чудесно... Звездные руны проснулись» [9]. Как и многие народы, латыши считали, что у каждого человека есть своя звезда. Когда человек рождается, загорается и его звезда, а в момент смерти человека она падает. Обычно в народных представлениях звезды символизировали бесчисленное множество людей. Сколько звезд на небе — столько и людей на земле. В латышском фольклоре яркая или золотая звезда часто символизировала человеческую душу. Поверие о том, что необходимо загадывать желание при виде падающей звезды, сохранилось до сих пор. Однако звездный дождь, как и у многих других народов, всегда был предвестником несчастий, кровопролитных войн. Несчастье несли и кометы, они служили знаком приближающихся войн, чумы или голода. Узор из звезд в народных преданиях защищал от злых сил, одежда с таким узором оберегала путника в дороге от напастей.

Наиболее распространенное изображение звезды в латышском орнаменте — наложение креста на крест с поворотом в 45° . Наряду с этим встречалось и изображение восьмиконечной звезды, которая называлась Аусеклис (Auseklis) — Утренняя звезда, символ перехода из мрака в свет. Иногда изображение звезды становилось таким пышным, что по богатству элементов могло соревноваться с изображением Солнца. Наиболее часто встречалось изображение звезд в северных и восточных районах Латвии.

Знак Аусеклиса большинство исследователей идентифицируют с планетой Венера. Иногда Аусеклис называли просто утренней или вечерней звездой. Вечерняя звезда называлась Риетеклис (*Rieteklis*). Утренняя и вечерняя звезды иногда сливались в одно понятие. Интересно отметить, что известные латышские поэты девятнадцатого века взяли псевдонимы Аусеклис (*Krogzemju Mikus*, 1850 — 1879) и Риетеклис (*Jūlijs Balodis*, 1856 — 1940). В орнаменте поясов Аусеклис по частоте употребления стоит на третьем месте после знаков Солнца и Месяца. В народных песнях Аусеклису не хватает стабильного описания, его образ не до конца отчетлив, чаще всего он упоминается в связи с Дочерьми Солнца, либо в качестве сватающегося, либо среди гостей, пришедших на свадьбу.

Образ утренней звезды, символизировавшей в латышском народе надежду, радостное ожидание светлого дня, неразрывно связан со светлым обликом Е.И. Рерих. В 1928 году Н.К. и Е.И. Рерихами был основан Гималайский институт научных исследований — «Урусвати». Его первым президентом была избрана Елена Ивановна. Название «Урусвати», данное институту, означает на санскрите «свет утренней звезды». Это поэтическое имя было первоначально дано Е.И. Рерих в Индии.

Одним из наиболее древних геометрических знаков у многих народов является крест. Это древний универсальный символ космоса, сведенный к простейшей форме — двум перпендикулярным или диагонально пересеченным линиям, которые символизируют четыре стороны света. В древности крест был символом священного равновесия

противоположностей — небесного и земного. Крест сравнивался с лестницей, по которой человек может добраться до Бога. В латышской мифологии крест изначально связан с Солнцем, он был знаком жизни, предохраняющим от различных невзгод. Его, как и знак Солнца, употребляли для охраны всего рода. По латышскому преданию, могильный крест обладает врачующими свойствами лечит от лихорадки, от зубной боли, предохраняет от злых чар. В орнаменте пояса несколько крестов образуют группу, обычно во всем узоре насчитывалось четыре или девять таких групп. Если объединить прямой и диагональный кресты, получался пересеченный крест. Диагональный крест также мог быть двойным или тройным. Угол такого креста составляет 90 градусов, и его лучи указывают на восход и на закат солнца.

*Лайма с липы предвещает
Мне вольготную судьбу:
Расти липой, цвести розой,
Носить бисерный венок.[10]*

В поясных узорах часто встречается огненный крест или свастика. Узор из таких крестов является одним из наиболее древних. Огненный крест символизирует свет, огонь, жизнь, здоровье и благосостояние. В латышской этнографии он символизирует богиню Лайму, поэтому его часто называют крестом Лаймы. В латышской мифологии Лайма — богиня судьбы. По одной из версий, это имя произошло от слова «*laimē*», что означает «счастье». Обычно Лайма предстает в виде антропоморфного существа, однако ее также изображали в образе черной или белой курицы, черного жука или черной змеи. С Лаймой связана кукушка — она, кукуя, определяет продолжительность жизни человека. Чаще всего Лайма появлялась в облике молодой, но иногда и пожилой женщины. Главная ее роль в фольклорной латышской традиции — определение судьбы человека. Лайма помогала женщинам, заботилась о девичьей чести, оберегала беременных женщин, стелила им сотканную ею простыню, чтобы роды были удачными, подкладывала платок новорожденному, что предопределяло его счастливую жизнь. У Лаймы есть свои атрибуты: нож, очевидно, связанный с ее участием в ритуале появления на свет ребенка, и ключи как символ доступа к воротам жизни. Поскольку решение Лаймы относительно судьбы ребенка являлось окончательным и неизменным, латыши старались всячески умиловить богиню. В ритуале обращения к ней использование в орнаменте огненного креста играло не последнюю роль. Просили долгой жизни и избавления от страданий, а также красоты и богатства. Большое значение имело то, где в момент, решающий судьбу человека, находилась Лайма. Благоприятным местом считались холм, одно из священных деревьев — липа, дуб или яблоня, а также лодка в чистой воде. Лайма предсказывала будущее и иногда действовала вместе с Деклой (*Dēkla*) и Картой (*Kārta*) наподобие трех парк. Образ Лаймы — символ этических воззрений и высших духовных устремлений латышей. Она принадлежала к сонму тех божественных существ, которые оберегали человека в его земном существовании. Вот почему изображение креста Лаймы было так популярно.

Название «свастика» приобрело негативную окраску лишь в двадцатом веке, во времена фашизма, однако на самом деле это один из древних символов, обозначающих движение космоса и созидательную энергию, и традиционно этот символ имел положительную смысловую нагрузку. Свастика, или крест Лаймы, представляет собой правильный равносторонний крест, концы которого «сломаны» под прямым углом, что создает иллюзию вращения. Концы свастики могут быть загнуты как по часовой, так и против часовой стрелки. Этот знак известен во всех индоевропейских культурах. Священным знаком свастика является и на Тибете. Свастика, «закрученная» концами влево,

— это буддийский символ бесконечного цикла существования. Значение этого символа у разных народов приблизительно одинаковое, он обозначает счастье, святость, возвышенность устремлений. Кроме присущей свастике энергии вращения, использовалась и другая графическая символика этого знака: загнутые концы образуют квадрат, окружающий статический центр. Даже само слово «свастика» происходит от индоарийского слова «svasti», то есть счастье. Для латышей этот символ естественно связан с Лаймой. В латышской мифологии Крест Лаймы — символ вечного движения. Свастика — один из наиболее часто встречающихся этнографических элементов, распространенных по всей Латвии. В древности для обозначения огненного креста, или свастики, использовали также название, бытующее в народе, — Залктис (*Zalktis*), что означает уж. И действительно, если разложить этот знак на две составляющих, то каждая из них напоминает изображение змеи, латинские буквы «Z» или «S». Предания приписывали ужу положительные качества, он был связан с животноводством и защищал благосостояние крестьянина.

Как свидетельствуют археологические раскопки, одним из наиболее древних элементов орнамента является так называемая елочка, по своему рисунку напоминающая перо или хвою. Наиболее простая форма елочки — параллельные горизонтальные, вертикальные или диагональные отрезки, которые напоминают опавшую хвою. Несвязанные, расположенные друг над другом мотивы чешуек напоминают как хвою, так и птичье перо. Многие древние племена поклонялись животным и птицам. В латышской мифологии такой узор также символизирует Лайму. Горизонтальные и вертикальные полосы считаются соответственно женским и мужским символами. Женский символ связан с матерью, мать — с землей, мужской же связан с отцом, а отец — с Небесами.

Важное место в латышской мифологии занимают божества Матери. Например, Мать земли, Мать воды, Мать леса, Мать ветра. Все матери часто объединяются в одном образе — образе Мары.

*Завертелась Мать ветров,
Так и этак повернется:
Подметает в доме Дъева
Месяцеву горенку.[11]*

Наиболее часто в латышском фольклоре упоминается Мать ветра. Это амбивалентное существо может быть благосклонным к людям, но может быть и опасным. По народным поверьям, Мать ветра ночует под корнями осины — дерева, которое традиционно связывалось с представлениями о ведьмах. Мать ветра призывали на помощь в особенно ненастные, ветреные дни.

В подчинении Матери леса находятся все лесные звери: медведь, олень, заяц и другие. Она заботится о деревьях, в особенности о сосне, березе и иве. Самое красивое дерево в лесу всегда было связано с Матерью леса. В мифологии многих восточных народов встречаются подобные божества.

Символом Земли в орнаменте является горизонтальная полоса, она встречается в наиболее простых образцах узора. Это один из символов богини Мары (*Māra*). Образ Мары часто сливался с образом Матери земли. Вторым знаком Мары и Матери земли является равнобедренный треугольник с углом в 90 градусов, обращенный вершиной вниз. Мару как Мать воды и Мать моря символизирует зигзагообразная линия. Мара — один из наиболее противоречивых мифологических образов. Некоторые исследователи считают, что это имя произошло от имени девы Марии. В народных песнях к имени Мары часто прибавляют слово «святая», что, возможно, связано с христианской традицией. Другие же исследователи ищут корни возникновения этого образа в более древнем языческом культе.

Несомненно, Мара совмещает в себе христианские и языческие черты, это объясняет ее двуприродность. Например, к ней обращались следующим образом: «Милая Мара скота, мать Иисуса Христа, упаси от колдунов и ведьм!» Генетически в образе Мары вскрывается более поздний слой (дева Мария) и более ранний, сопоставимый со славянскими представлениями о Марене. В функциях Мары преобладают две основные линии. Во-первых, Мара, так же как и Лайма, принимает участие в ходе человеческой жизни, особенно она связана с женской судьбой. Больше всего Мара заботилась о здоровье будущей матери. Однако, в отличие от Лаймы, Мара не решает судьбу человека. Вторая важная забота Мары связана с урожаем. Она является покровительницей коров, к ней обращаются с просьбой о молоке, сыре, телятах, земле. Часто, особенно в Курземе, Мара упоминается в связи с крещением ребенка как активная участница ритуала. Мара заботится о сиротах, выводит их в люди, печется об их благополучии, выполняя функции Лаймы.

Маре принадлежит одна из наиболее богатых орнаментальных символик, ее знаки встречаются во многих элементах поясного узора. Например, Мару символизирует прямой крест, состоящий, в сущности, из четырех крестов, в котором каждая из четырех сторон еще раз перекрещена. Такой крест называют крестом Мары, его изображали на каравае хлеба, ибо Мара связана с представлениями о богатом урожае. Крест Мары являлся неотъемлемым элементом узора женских поясов.

Особый интерес для исследователей представляет так называемый Лиелвардский пояс (от названия местности, где такие пояса изготовлялись). Считается, что в геометрических узорах этих поясов содержится исключительно ценная информация о доисторических временах. В последнее время предпринималось множество попыток расшифровать содержащиеся в орнаменте письмена. Лиелвардский пояс уникален тем, что изображенные на нем знаки не только чрезвычайно разнообразны, но и относятся к наиболее древним предметам народного творчества, практически безо всякой стилизации взятым из древнейших священных письмен, возможно, петроглифов. Исследователи по-разному трактуют информацию, которую несет в себе узор пояса. По одной из версий, в узор вплетен ход человеческой жизни, судьба человека. Однако не найден ответ на вопрос, какой знак обозначает рождение, какой — инициацию и какой — вступление в брак. Разобрать до конца эти письмена еще предстоит исследователям-энтузиастам.

Интересно, что мифологические образы у разных народов совпадают. Так, латышская богиня счастья и судьбы Лайма поразительно напоминает индийскую богиню счастья, богатства и красоты Лакшми, само имя которой происходит от древнеиндийского слова «Laksmi» (знак, добрый знак, счастье, красота).

Прочитав рунические письмена латышских орнаментов, мы увидим картину мироздания такой, какой ее ясно видели древние латыши. Будем же без усталости вчитываться в язык поэтических мифов и древних орнаментов. Именно об этом писал Н.К. Рерих:

*При свете солнца, при свете
луны. При свете смолы
и костра будем искать
священные знаки...[12]*

[1] Ltdz, I, 4156. Перевод Л. Копыловой.

[2] Цитируется по книге («Латышские дайны», Рига: Лиесма, 1984). Дайны – это продукт устного песенного творчества латышского народа.

Основной состав этого феномена народного творчества – четверостишия, короткие, емкие миниатюры. Есть, конечно, и длинные песни, но их сравнительно немного, и в основе их лежит та же дайна. Во второй половине XIX века дайны были собраны и классифицированы общественным и культурным деятелем Кришьяном Бароном (Krišjānis Barons).

[3] Ltdz, I, 4711. Перевод Ю. Абызова.

[4] Ltdz, III, 7104. Перевод Ю. Абызова.

[5] Ltdz, III, 8136. Перевод Ю. Абызова.

[6] Из книг Живой Этики// Угунс – 1989. – 12 февраля. – с. 2.

[7] Ltdz, I, 4606. Перевод Ф. Скудры.

[8] Ltdz, II, 8196. Перевод Д. Самойлова.

[9] Рерих Н. К. “Пора”// Угунс – 1989. – 12 февраля. – с.12.

[10] Ltdz, II, 997. Перевод Д. Самойлова.

[11] Ltdz, III, 8227. Перевод Ф. Скудры.

[12] Рерих Н. К. «Увидим»// Стихотворения. Проза. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989. – с. – 26-27

[13] А.А. Стародедова «Символика орнамента в латышских национальных поясах», ж-л "Культура и время", №3, 2005